

УДК 343.231; 343.211.2
DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(1).70-81

ПРОТИВОПРАВНОСТЬ КАК ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОПЫТ АНАЛИЗА, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Ю.Е. Пудовочкин

Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
11 января 2017 г.

Дата принятия в печать
16 февраля 2018 г.

Дата онлайн-размещения
2 марта 2018 г.

Ключевые слова

Преступление; состав преступления;
уголовный закон; противоправность;
виды противоправности; правовые
блага; запрещенность деяния;
специальная противоправность

Аннотация. В уголовно-правовой науке устоялся тезис о том, что противоправность является обязательным признаком преступления. Между тем понимание этого признака до сих пор вызывает неопределенность, что сопряжено с многочисленными, иногда малопродуктивными дискуссиями, на фоне которых роль противоправности в структуре научной теории остается явно недооцененной. По итогам анализа обосновывается, что учение о противоправности может стать одним из значимых разделов общей теории уголовного права. В рамках этого учения целесообразно выделять три аспекта уголовно-правового анализа: 1) противоправность как направленность преступления против правопорядка и правовых благ, исследование которой непосредственно связано с учением об объекте преступления, основаниями и правилами криминализации и декриминализации в контексте межотраслевых связей уголовного права; 2) противоправность как воплощение принципа законности, анализ которой требует обращения к учению об источниках уголовного права, качеству уголовного закона, требованиям правовой определенности; 3) противоправность как юридическое свойство действия или бездействия в структуре состава преступления. В последнем случае речь идет об особой разновидности преступлений, объективные признаки деяния в которых описаны посредством формулы «нарушение правил». Противоправное деяние как элемент объективной стороны преступления («проступок внутри объективной стороны преступления») полностью сохраняет собственные характеристики противоправности: он направлен против определенных правовых благ и запрещен той или иной отраслью права. Но при этом «совокупность» проступка с особо опасным последствием (для «погашения» которого недостаточно мер «иноотраслевой» ответственности) порождает необходимость подключения мер уголовно-правового воздействия, в связи с чем возникают дополнительные характеристики противоправности, предъявляющие специальные требования к конструированию состава преступления и уголовно-правовой нормы.

UNLAWFULNESS AS AN ATTRIBUTE OF CRIME: ANALYSIS, PROBLEMS, PROSPECTS

Yury Ye. Pudovochkin

Russian State University of Justice, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received
2017 January 11

Accepted
2018 February 16

Accepted
2018 March 2

Keywords

Crime; corpus delicti; criminal
legislation; unlawfulness; types
of unlawfulness; legal values;
forbiddenness of an action; special
unlawfulness

Abstract. Criminal law literature does not dispute the thesis that unlawfulness is an obligatory attribute of crime. Meanwhile, the understanding of this attribute is still uncertain, which is connected with multiple and, at times, unproductive discussions; it is against such background that the role of unlawfulness in the structure of scientific theory remains clearly undervalued. The author uses his analysis to prove that the theory of unlawfulness can become one of the valuable sections of the general theory of criminal law. It encompasses three aspects of criminal law analysis: 1) unlawfulness as the crime's orientation against legal order and legal values, its research is immediately connected with the theory of the object of crime, the basis and rules of criminalization and de-criminalization within the framework of inter-branch connection of criminal law; 2) unlawfulness as an embodiment of the principle of legality, whose analysis requires a reference to the theory of the sources of criminal law, the quality of criminal law, the requirements of legal certainty; 3) unlawfulness as the legal quality of action or inaction in the structure of corpus delicti. The latter case is a special type of crime where the objective attributes of an action are described by the formula «violation of rules». An unlawful action as an element of the objective side of crime («an offense inside the objective side of crime») fully preserves its own characteristics of unlawfulness: it is aimed against specific legal values and is forbidden by one or another branch of law. At the

same time, the «aggregate» of a crime with an especially dangerous consequence (that cannot be «extinguished» by just the measures of the «other branch» liability) makes it necessary to resort to criminal law measures, which gives rise to additional attributes of unlawfulness posing special demands on the construction of corpus delicti and the criminal law norm.

Одним из общепризнанных положений современной отечественной уголовно-правовой науки можно считать тезис, согласно которому противоправность признается неотъемлемым, обязательным признаком преступления. Споры о том, является ли этот признак главным, основным, или же он есть производная, зависящая от общественной опасности характеристика преступления, на наш взгляд, лишены особой практической ценности и в данном случае будут оставлены за пределами анализа. В свое время значимые рассуждения по этому поводу приводил А.В. Наумов. В первой половине 90-х гг. прошлого столетия на волне популярности идей правового государства и значимости права в общественной жизни он писал, что понимание противоправности преступления в качестве «вторичного», «производного» от общественной опасности признака неприемлемо: «Необходимо изменить традиционное для советской науки уголовного права соотношение материального и формального признаков в определении (понятии) преступления... В правовом государстве места этих признаков находятся в обратном порядке. Общественная опасность деяния поэтому должна существовать лишь в рамках формального признака преступления» [1, с. 66]. К сегодняшнему дню дискуссия о местоположении признаков общественной опасности и противоправности в структуре дефиниции преступления не является столь острой.

Преступление должно быть общественно опасным, и ответственность за него должна быть предусмотрена в уголовном законе. Такова общая зона согласия. Вместе с тем за ее пределами начинается глубокая и весьма содержательная дискуссия относительно понимания признака противоправности, его содержания, соотношения с уголовным законом и многими иными значимыми параметрами уголовно-правового регулирования, которая в конечном итоге выводит трактовку противоправности на уровень серьезной методологической проблемы уголовного права.

Обобщая имеющийся научный материал и в известной степени отвлекаясь от деталей, можно констатировать, что сегодня наличеству-

ет несколько основных подходов к трактовке противоправности как признака преступления.

В рамках первого сложилось твердое убеждение, что уголовное право не выполняет функции регулирования так называемых позитивных общественных отношений (например, отношений собственности или отношений в области воспитания подрастающего поколения), обеспечивая лишь их охрану. В связи с этим противоправность преступления мыслится не как противоречие деяния положениям уголовного закона, а как нарушение деянием предписаний иных отраслей права, нарушение уставленного «позитивными» отраслями правопорядка. Широко известны в этом отношении поддержанные Н.С. Таганцевым рассуждения Биндинга: «Всякий закон уголовный содержит в себе описание преступного деяния (диспозитивная часть) и назначенное за него наказание (санкция), но описание логически не может быть нарушено; напротив того, для применения закона уголовного безусловно необходимо, чтобы учиненное было юридически тождественно с диспозицией закона, с его определением»; «...закон, который нарушается, логически в идее и даже фактически по времени (обыкновенно, хотя и не всегда) должен предшествовать закону, по коему называется нарушитель» [2, с. 24].

В условиях утверждения принципа законности с его абсолютным требованием *nullum crimen nulla poena sine lege* возникла необходимость согласовать такое понимание признака противоправности с непреложным фактом предусмотренности деяния в уголовном законе. Ответом можно считать включение в номенклатуру признаков преступления уголовной наказуемости, а также (иногда альтернативно) такого распространенного прежде всего в немецкой литературе признака, как соответствие деяния его законному составу (нормативному описанию) [3, с. 24; 4, S. 12; 5, S. 91; 6, S. 29]. При таком подходе признание деяния преступным требует, во-первых, установления соответствия или тождества между признаками этого деяния и его описанием в уголовном законе, а во-вторых, проверки того, что это деяние является противоправным, т.е. посягает на правоохраняемые отношения (блага) и со-

вершается в условиях отсутствия обстоятельств, исключающих противоправность.

Второй подход к пониманию противоправности базируется на других теоретических предпосылках. Утверждается, что уголовное право не есть лишь санкция иных «позитивных» правовых норм, но является полноценным регулятором охраняемых им же отношений, что именно в ней создаются определенные правила поведения путем формулирования запретов. Отсюда делается вывод о том, что уголовная противоправность как признак преступления означает нарушение деянием самой уголовно-правовой нормы, которая и содержит требуемое от человека правило поведения. А поскольку норма уголовного закона включает в себя и диспозицию, и санкцию, противоправность своим содержанием объемлет и признак наказуемости, о чем убедительно пишет Н.Ф. Кузнецова [7, с. 466].

В рамках этого подхода установление признака противоправности исчерпывается положительным ответом на вопрос о том, соответствует ли деяние признакам состава преступления. Если да, значит, оно противоправно, т.е. преступно, а следовательно, и наказуемо в уголовно-правовом порядке.

Закономерным следствием реализации такого подхода стала постановка как минимум двух значимых теоретических проблем: 1) о соотношении признака противоправности и состава преступления, в ином звучании — о соотношении состава и диспозиции уголовно-правовой нормы; 2) о соотношении состава преступления и общественной опасности. Решаются в науке они, естественно, различным образом.

Некоторые специалисты фактически отождествляют диспозицию уголовно-правовой нормы и состав преступления [8, с. 9–10]. Другие авторы настаивают на их самостоятельности, доказывая содержательные, структурные и функциональные различия между ними [9, с. 68–72]. Отсюда — различное отношение к самой категории состава преступления: одни признают ее ценность, другие доказывают «абсолютную ненужность».

При обсуждении второго вопроса часть юристов убеждены, что общественная опасность деяния «растворена» в составе, полностью определяется его признаками и не может быть связана с какими-либо иными обстоятельствами совершения деяния [10, с. 29–32], другие настаивают на том, что наличие в деянии состава преступления еще не предreshает вопроса о его общественной

опасности, а следовательно, и наказуемости, что опасность определяется признаками и обстоятельствами, в том числе и не включенными в состав [11, с. 29]. Отсюда — признание или непризнание факта существования противоправных, но не опасных деяний, и наоборот, общественно опасных деяний, не соответствующих признакам состава преступления.

Эти споры не прекращаются по сегодняшний день, а взаимная критика оппонентов порой просто не признает того обстоятельства, что в силу системных свойств любой научной теории критика одних ее положений без учета содержания иных лишена и оснований, и смысла.

Должно быть очевидным, что изложенные походы к трактовке признака противоправности могут быть признаны внутренне достаточными, самостоятельными концепциями. Критика положений одной из них с позиций другой представляется малопродуктивным занятием. Это конкурирующие теоретические построения, которые различаются множеством параметров: трактовкой регулятивных свойств уголовного права, пониманием содержания и структуры уголовного закона, характеристикой категории общественной опасности. Каждая из них требует своего, специфического понимания состава — состава деяния в первом случае, как правило, не включающего в свое содержание объекта (охраняемого блага) и не предъявляющего к деянию (действию или бездействию) в рамках состава дополнительные требования противоправности; и во втором случае — собственно состава преступления, который объемлет собой и объект (правоохраняемые отношения или блага), и признак противоправности деяния как элемента объективной стороны.

Надо полагать, что установить предпочтительность того или иного подхода вряд ли возможно, да и, наверное, нецелесообразно. В теоретическом плане важнее, единожды выбрав любой из них, затем последовательно реализовывать в исследовательской и правоприменительной практике.

Обзор современной отечественной литературы по теме показывает, что основной массив научных сочинений в описании признака противоправности тяготеет (хотя и не всегда последовательно¹) к конструкции регулятивного

¹ В данном отношении не является исключением и наш собственный анализ, представленный в более ранних работах, в связи с чем настоящую публикацию можно рассматривать как закономерное развитие и уточнение собственной позиции.

подхода. Вот характерные цитаты: «Уголовную противоправность следует понимать как закрепленность признаков деяния в законе, наличие внешней, словесно выраженной формы, определяющей существенные признаки преступлений» [12, с. 59–60]; «уголовная противоправность — формальный признак преступления, она означает запрещенность деяния (действия или бездействия) уголовным законом в качестве преступления под угрозой наказания» [13, с. 74]. Список цитат можно продолжить, но и изложенного достаточно, чтобы понять: противоправность преступления большинством специалистов «выводится» из требований принципа законности в сочетании с регулятивными возможностями отрасли уголовного права.

Однако важно признать, что даже эта «регулятивная» теория противоправности содержит в себе ряд положений, которые генетически восходят к «охранительной» теории, что закономерно вызывает некоторые проблемы.

В этой связи обратит внимание, что в «регулятивной» концепции обсуждение проблемы противоправности как бы распадается на два направления. В рамках первого противоправность мыслится не столько как свойство, сколько как определенная направленность деяния (действия или бездействия), в связи с чем соответствующая проблематика тяготеет к области анализа объекта преступления. В рамках второго направления обсуждается вопрос о противоправности как свойстве самого действия или бездействия субъекта, и в этом отношении данный вопрос относится к области рассуждений об объективной стороне состава преступления.

В первом случае анализ противоправности в трудах представителей «регулятивной» концепции весьма близок к проблематике противоправности как нарушения правопорядка в трудах, тяготеющих к «охранительной» концепции. И.С. Самощенко в этой связи даже отмечал, что понимание противоправности нарушения как его направленности против правопорядка весьма укоренено в советской науке, что фактически вопрос о противоправности в очень многих случаях выступает лишь как иная формулировка вопроса об объекте [14, с. 92].

Признание нормы права, правопорядка объектом преступления имеет, как известно, давнюю традицию. Так, еще А.Ф. Бернер писал, что «объектом преступления являются: 1) общее право, ибо право нарушается преступлением как таковое, им нарушается всеобщая воля,

высказанная в законе, и непосредственно наносится вред даже самому государству... 2) частное право, так как право нарушается непосредственно и количественно, и качественно только до известной степени, в известных пределах» [15, с. 400]. В советский период, когда нормативистская теория объекта и корреспондирующая ей охранительная теория противоправности были в целом вытеснены пониманием объекта как общественных отношений и регулятивным пониманием противоправности, отголоски нормативизма также можно найти в суждении о том, что объектом преступления одновременно выступают и фактические общественные отношения, и их «правовая форма или оболочка» [9, с. 130; 16, с. 21].

Эти положения в свое время были подвергнуты достаточно жесткой критике, в том числе с позиций того, что противоправность преступления есть противоречие деяния норме не какого-либо иного, «позитивного», а именно уголовного закона, которая сама по себе ущерба от преступления не испытывает [10, с. 72–73]. Как результат, противоправность как направленность преступления на долгие годы исчезла из номенклатуры вопросов, заслуживающих обсуждения.

Только сегодня мы возвращаемся к этой проблеме, в том числе посредством попыток обосновать в качестве объекта преступления правовые блага [17, с. 398] или правоотношения [18, с. 79; 19, с. 51–56]. Возвращение идеи правопорядка в дискурс об объекте преступления и, как следствие, активизация рассуждений о противоправности как о направленности деяния могут иметь значимые теоретические и прикладные последствия. Представляется, что это вполне закономерный процесс, в самом начале которого мы сейчас находимся. Но уже сейчас в контексте изложенного специалисты формулируют весьма оригинальные выводы о содержании противоправности. С.И. Вершинина, к примеру, пишет, что, совершая правонарушение, лицо нарушает не только установленный правовой запрет, но и регулятивную норму, содержащую основную юридическую обязанность. В связи с этим, по ее мнению, можно говорить о «двойной противоправности деяний, квалифицируемых в качестве правонарушений» [20, с. 118].

При обсуждении второго из выделенных ранее вопросов — о соотношении противоправности как признака преступления и противоправности как признака деяния (действия или бездействия) — в науке, как правило, не созда-

ется специальных различий между этими оттенками понятия. Распространена позиция, согласно которой противоправность не есть свойство лишь действия или бездействия, это признак преступления в целом [14, с. 89–90]. Но даже как признак действия или бездействия содержание противоправности не отличается от противоправности как признака преступления. В.С. Комиссаров, например, пишет, что в качестве элемента состава преступления деяние в обязательном порядке обладает признаком противоправности, но далее сводит эту противоправность к предусмотренности деяния уголовным законом: «Любое деяние, даже в случаях причинения вреда правоохраняемым интересам, являющееся в силу этого общественно опасным, не признается преступлением, если оно не запрещено Уголовным законом» [21, с. 76].

Только в советских работах раннего времени (первой половины прошлого века) можно было встретить попытки обосновать противоправность в качестве признака действия или бездействия, но не признака, свойственного преступлению в целом. «По общему правилу действие или бездействие, воспроизводящее фактически признаки того или иного состава преступления, одновременно является и противоправным, — писал А.А. Пионтковский. — Однако это все же не всегда так. При некоторых обстоятельствах действие, содержащее по своим внешним чертам состав того или иного преступления, в действительности не является социально опасным, а потому не может считаться преступным» [22, с. 296–297]. Однако этот взгляд, характерный для периода нормативного допущения аналогии в уголовном праве, во многом и объяснялся этой аналогией, а потому был подвергнут критике в последующие годы.

Как видим, в любом случае тезис о том, что деяние (действие или бездействие) как элемент преступления должно быть противоправным, находит свое признание, при этом противоправность действия или бездействия трактуется с позиции его запрещенности уголовным законом с точки зрения того, какие признаки деяния описаны в законе (в составе преступления) [23, р. 11].

Однако поскольку описание деяния в уголовном законе, с точки зрения юридической техники, может быть выполнено весьма различным образом, специалисты в области уголовного права обосновывали наличие нескольких видов (в иной трактовке — форм) уголовной противоправности.

Так, Л.Д. Гаухман указывает, что противоправность деяния (как элемента объективной стороны преступления) выражается в четырех основных формах: 1) деяние описывается в диспозиции статьи Особенной части УК РФ; 2) деяние не описывается в диспозиции статьи Особенной части УК РФ, но описывается последствие, причиной которого оно выступает; 3) деяние не описывается в диспозиции статьи Особенной части УК РФ, но делается или подразумевается ссылка на другую статью уголовного закона, в которой это деяние описано; 4) деяние полностью или частично не описывается в диспозиции статьи Особенной части УК РФ, в которой в той или иной форме содержится отсылка к другому, неуголовному закону или нормативному правовому акту [24, с. 90–91].

Несколько иные суждения высказывает Г.В. Тимейко. Формами противоправности он признает: 1) запрещение того или иного действия (бездействия) самого по себе, вне зависимости от причинения или создания угрозы причинения общественно опасных последствий (формальные составы преступлений); 2) запрещение данного действия (бездействия) лишь постольку, поскольку оно создало (допустило) угрозу причинения существенного вреда охраняемым законом интересам (деликты «создания опасности»); 3) запрещение действия (бездействия) лишь в связи с причинением (допущением) общественно опасных последствий (материальные составы преступлений) [25, с. 182–184]. При этом наряду с формами Г.В. Тимейко выделяет различные способы выражения уголовной противоправности в нормах закона. В его трактовке они частично совпадают с видами, которые выделяет В.Н. Кудрявцев: 1) прямая уголовная противоправность, под которой понимаются случаи, когда соответствующее действие непосредственно запрещается уголовным законом независимо от того, запрещено ли оно также нормами других отраслей права; 2) смешанная противоправность — случаи, когда действие запрещается в уголовном порядке в связи с тем и постольку, поскольку оно признано противоправным нормами другой отрасли права (в этих случаях уголовный закон ссылается на какой-либо другой нормативный акт или эта отсылка подразумевается); 3) условная противоправность, при которой любое действие (бездействие) признается противоправным, если в соответствующих условиях времени, места, обстановки оно повлекло последствия, которые описаны в диспозиции уголовно-правовой нормы [26, с. 116–130].

При всей значимости цитированных положений для развития науки уголовного права нельзя не заметить, например, что виды противоправности действия или бездействия в трактовке Л.Д. Гаухмана совпадают с учением о видах диспозиции уголовно-правовой нормы; формы и приемы противоправности в учении Г.В. Тимейко — с учением о видах составов преступлений и правилами юридической техники; виды противоправности у В.Н. Кудрявцева выделены по различным основаниям.

Но главное — все представленные рассуждения основаны на той методологической посылке, что противоправность деяния есть его запрещенность уголовным законом в той или иной форме. Лишь у В.Н. Кудрявцева мы встречаем утверждение о том, что «большая часть преступных действий нарушает не только уголовно-правовую норму, но одновременно и нормы других отраслей права» [26, с. 121]. Но этот тезис практически не отразился на его же рассуждениях о видах уголовной противоправности.

Вероятно, по этой причине в дискурсе о противоправности наиболее уязвимым и часто критикуемым остается тезис о смешанной противоправности отдельных преступлений, само наличие которой категорически отвергалось рядом авторитетных авторов [25, с. 181–182, 184; 27, с. 109].

Думается все же, что такая критика в значительной степени обусловлена различиями в подходах к пониманию самой противоправности, а порой и с неадекватной интерпретацией идеи смешанной противоправности. В этом отношении представляется как минимум неточным суждение о том, что «смешанная противоправность подразумевает случаи, когда уголовно-правовой запрет предусмотрен нормами другой отрасли права» [28, с. 87]. Если противоправность трактовать в смысле запрещенности, то применительно к преступлениям такая противоправность действительно не может иметь видов; она является подчеркнута и исключительно уголовно-правовой, т.е. непосредственно вытекающей из положений уголовного закона в силу прямого требования принципа законности [29].

Все изложенное выше, естественно, не претендуя на полноту анализа, было призвано показать, что проблематика противоправности в уголовном праве объемлет собой достаточно широкий и при этом целостный круг вопросов, восходящих к учению о преступлении, составе преступления, уголовном законе, уголовно-

правовом регулировании. Вероятно, именно в силу этой масштабности, многоаспектности и сложности в отечественной уголовно-правовой науке по сегодняшний день не сложилось самостоятельного (специального) учения о противоправности. Единственным исключением, попыткой комплексного осмысления темы можно считать работу С.А. Маркунцова. Однако по итогам исследования ее автор констатировал, что «выделение признака противоправности представляется нецелесообразным, так как терминологически он дублирует легальный признак понятия административного правонарушения; содержательно часто сводится к запрещенности деяния либо его запрещенности и наказуемости; более того, в доктрине уголовного права существуют споры относительно характера противоправности преступлений» [30, с. 336].

Между тем, по нашему убеждению, отказ от категории противоправности является преждевременным. Напротив, она нуждается в последовательном обосновании и развертывании. Анализ библиографии по уголовному праву показывает, что наличествующие в рассматриваемой области труды посвящены лишь отдельным аспектам проблемы противоправности. Их можно свести в несколько групп: осмысление противоправности в контексте теории уголовного-правового регулирования и межотраслевых связей, исследование противоправности как признака преступления, анализ проблем осознания противоправности в контексте вины, изучение обстоятельств, исключающих противоправность. Сложность в том, что все эти исследования разрозненны, дискретны и не позволяют даже в совокупности своей воссоздать общее учение о противоправности в уголовном праве. Однако сегодня в нем ощущается особая потребность.

Не ставя перед собой задачу разработать такое учение в деталях, тем не менее считаем возможным наметить контуры собственного видения заявленной проблемы.

Обзор материалов по теме и внимательный анализ показывают, что в качестве «опорных пунктов» учения о противоправности в уголовном праве могут служить следующие положения, в той или иной степени аргументированные и признаваемые специалистами:

— уголовное право регулирует отношения, которые возникают в связи с фактом совершения преступления, но лишено регулятивных возможностей в отношении иных, «позитивных» отношений, на участников которых оно оказы-

вает информационное, психологическое воздействие, несводимое к механизму правового регулирования;

– в уголовном законе (и только в нем) содержится исчерпывающий список деяний, совершение которых влечет за собой уголовную ответственность и возможность применения уголовного наказания;

– преступлением может признаваться деяние, посягающее на такие блага, интересы, отношения, которые обеспечивают стабильность и развитие общества и в связи с этим включены в его ценностно-нормативную систему, составляют часть его нормативного порядка, признаются, определяются и регламентируются принципами и нормами права;

– действие или бездействие, совершение которого признается элементом преступления, должно быть описано в диспозиции статьи Особенной части уголовного закона с такой степенью полноты, чтобы у граждан и у правоприменителя не возникало сомнений в существовании и содержании запрещенных поступков.

Отталкиваясь от этих исходных положений, можно утверждать, что противоправность в уголовном праве должна рассматриваться в трех основных аспектах, совокупно определяющих ее методологическое значение.

Во-первых, противоправность преступления как его направленность против нормативных ценностей, правопорядка, которая связана с представлением об охранительной сущности и регулятивных возможностях отрасли уголовного права [31, р. 18–30]. Основное назначение этого аспекта противоправности состоит в поддержании порядка, информационном предупреждении преступлений, обеспечении системности и согласованности правового регулирования, устранении межотраслевых коллизий и по возможности коллизий между нормативными системами общества. Уголовное право, являясь частью (отраслью) системы права в целом, рассматривая вопросы об установлении преступности того или иного опасного деяния, должно соотносить свои предписания с положениями иных отраслей права, но при этом руководствоваться собственными, отраслевыми задачами и принципами. В силу этого: 1) все, что разрешено иными отраслями права, не может быть уголовно-противоправным; 2) все, что обладает уголовной противоправностью, не может быть разрешено в ином отраслевом законодательстве; 3) не все, что запрещено в ином

отраслевом законодательстве, должно быть запрещено в УК РФ.

Во-вторых, противоправность как прямое следствие реализации требований принципа законности в уголовном праве, предполагающая точное описание признаков всех запрещенных под угрозой наказания деяний. Этот аспект включает в себя необходимость обсуждения и решения таких взаимосвязанных задач, как номенклатура источников уголовного права, роль и значение Уголовного кодекса в системе источников уголовного права, роль и возможности судебных инстанций в толковании уголовного закона и (или) создании уголовно-правовых норм, допустимость или недопустимость регионального уголовного законодательства, правила опубликования источников уголовного права, правила и приемы законодательной техники описания признаков состава преступления, включая специфику использования бланкетных, оценочных признаков, открытых и закрытых перечней признаков в описании деяния и пр.

В-третьих, противоправность как юридическая характеристика преступного действия или бездействия, предъявляющая специальные требования к конструированию признаков состава и процессу квалификации преступления.

Этот последний аспект нуждается в специальном, дополнительном обсуждении. Именно с ним связана дискуссия о так называемой прямой и смешанной противоправности, именно он вызывает в отечественной науке наибольшие дискуссии. Если соотнести традиционные представления о прямой и смешанной противоправности действия или бездействия с предложенным в настоящей публикации пониманием противоправности, нетрудно заметить, что многие рассуждения о смешанной противоправности тяготеют к первому из выделенных аспектов, раскрывающему направленность деяния, тогда как рассуждения о прямой противоправности корреспондируют второму аспекту, связанному с принципом законности. При таком ракурсе анализа представленная выше дискуссия о видах уголовной противоправности и обоснованности выделения смешанной противоправности лишается особого смысла.

Это, однако, не означает, что противоправность действия (бездействия), будучи его юридической характеристикой, не представляет интереса для науки и практики. Напротив, сказанное заставляет обратить внимание на такой ракурс анализа, который еще не был представ-

лен выше, но обладает существенным потенциалом. Речь идет о трактовке противоправности, представленной в работах Н.И. Пикурова. Именно она составляет основу для интерпретации третьего из предложенных нами аспектов противоправности.

Автор пишет: «Подавляющее большинство преступных деяний противоречит нормам не только уголовного, но и иных отраслей... права. Вместе с тем преступлением со смешанной противоправностью мы называем лишь деяние, предусмотренное бланкетной диспозицией уголовного закона. ...Если диспозиция уголовного закона не имеет бланкетной формы, уголовная противоправность устанавливается без ссылки на иную противоправность. ...О смешанной противоправности можно говорить лишь тогда, когда признак нарушения предписаний иных нормативных актов включен в состав преступления в качестве необходимого элемента, без установления которого нельзя зафиксировать наличие преступления» [32, с. 10–11]. «В данном случае мы имеем дело с одновременным нарушением норм различных отраслей права, одно из которых включено законодателем в качестве обязательного элемента в состав другого» [33, с. 141].

Речь идет о таких, с одной стороны, частных, но с другой стороны, широко распространенных в уголовном законе ситуациях, когда закон описывает преступление посредством формулы «нарушение правил» (яркий пример — ст. 264 УК РФ). Такое преступление противоправно в том смысле, что оно причиняет вред определенным правовым благам (противоправность в первом аспекте); состав такого преступления полностью описан в уголовном законе (и это отражает противоправность во втором аспекте). Однако здесь существует еще нечто, что «не растворяется», не исчерпывается изложенными представлениями о противоправности. Образуется, как пишет Н.И. Пикуров, «конструкция «состав внутри состава». Причем состав проступка (деликта) сохраняет свое юридическое значение в качестве определяющей системы признаков, входящей в состав преступления. Поскольку квалификация преступления в таком случае невозможна без установления всех признаков состава иного правонарушения, применение уголовно-правовой нормы включает результаты двух относительно самостоятельных квалификаций. Квалификация нарушения специальных правил является составной частью квалификации преступления» [33, с. 138].

В теоретическом плане преступление, объективные признаки деяния в котором описаны посредством формулы «нарушение правил», справедливо рассматривать как «запрещенное уголовным законом посягательство на правовое благо посредством совершения деяния, запрещенного нормативным актом иной отраслевой принадлежности». Можно усматривать в такой ситуации и элемент конкуренции уголовно-правовой и иной правовой нормы, при которой норма уголовного права выступает в качестве нормы-целого, норма иной отрасли права – в качестве ее части, поскольку норма-целое всегда включает в себя указание на некие дополнительные признаки содеянного (чаще всего последствия).

Противоправное деяние как элемент объективной стороны преступления («проступок внутри объективной стороны преступления») полностью сохраняет собственные характеристики противоправности: оно направлено против определенных правовых благ и запрещено той или иной отраслью права. Но при этом «совокупность» проступка с особо опасным последствием (для «погашения» которого недостаточно мер «иноотраслевой» ответственности) порождает необходимость подключения мер уголовно-правового воздействия, в связи с чем возникают дополнительные характеристики противоправности. Такой совокупный конструкт причиняет дополнительный вред дополнительным правовым благам и становится запрещенным в норме уголовного права.

О началах «сочетаемости» в исследуемых преступлениях говорит и М.В. Мухортова. Автор указывает, что они представляют собой «не совсем обычную правовую конструкцию: сочетание проступка, каковым является нарушение правил, с преступлением (при наступлении условий, указанных в уголовно-правовой норме, вследствие нарушения этих правил)» [34, с. 25]. Вместе с тем надо подчеркнуть, что в рассматриваемой конструкции проступок не сочетается с преступлением. Преступление образуется сочетанием проступка с дополнительным признаком, как правило последствием. О сочетании проступка с преступлением можно говорить только в том случае, если в качестве этого преступления рассматривать наступление последствий. Тогда, действительно, преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, может быть представлено как сочетание административного проступка (нарушения правил дорожного движения) и преступления (неосторожного при-

чинения тяжкого вреда здоровью или смерти). Только при этом условии утверждение М.В. Мухортовой может быть принято. Однако сама автор рассуждает все же об ином, о том, что «нарушение правил как проступок является способом или этапом совершения преступления», косвенно признавая тем самым, что проступок сочетается не с преступлением, а с иными признаками, образуя в сочетании с ними преступление.

При таком понимании специфики противоправности уголовно наказуемого нарушения специальных правил сложно в полной мере согласиться с В.Н. Кудрявцевым в том, что уголовно-правовой запрет здесь детерминирован запретом деяния в норме иной отрасли права (как писал сам автор, «в связи с тем и постольку, поскольку оно признано противоправным нормами другой отрасли права»). Такой детерминационной связи в данном случае нет. Деяние запрещено в УК РФ не потому, что оно запрещено в ином нормативном правовом акте, а потому, что причиняет такой вред социальным ценностям, на который можно адекватно отреагировать только уголовно-правовыми средствами.

Учесть это обстоятельство пытался Г.В. Тимейко, когда, отвергая термин «смешанная противоправность», предложенный В.Н. Кудрявцевым, говорил о «бланкетном способе выражения уголовной противоправности». Однако и этот прием представляется не вполне удачным. Бланкетным способом здесь описываются признаки деяния. Уголовная же противоправность в смысле запрещенности деяния уголовным законом полностью и прямо выражена в УК РФ.

Иногда в литературе можно встретить термин «двойная» противоправность. Имеется в виду, что преступление заключает в себе собственно уголовную противоправность, в то время как деяние — нарушение правил — дополнительно запрещено в каком-либо ином (например, административно-деликтном) законодательстве. Однако тезис о «двойной» противоправности закономерно порождает вопрос о «двойной» ответственности, которая по общему правилу в сфере публично-правовых отношений недопустима. Таким образом, и

«двойная» противоправность не лучшее обозначение исследуемого феномена.

Понимая всю условность спора о терминах, тем не менее, подчеркнем, что ни один из представленных, по нашему мнению, не отражает сути описываемого феномена. В части выбора терминов, пожалуй, наиболее точен был А.А. Тер-Акопов, когда писал о том, что эти преступления обладают специальной противоправностью, отличающей их от других преступлений — с общей уголовной противоправностью. «Преступления с общей противоправностью нарушают только положения уголовно-правовых норм, а преступления со специальной противоправностью одновременно нарушают два уровня нормативных требований: уголовно-правовых и специально-отраслевых» [35, с. 12–13].

Таким образом, третий аспект противоправности в уголовном праве (третье направление ее теоретического анализа) состоит в признании наличия особого вида, специальной противоправности деяния как элемента объективной стороны преступления, запрещенного уголовным законом, что предъявляет специальные требования к процессу квалификации преступления, применению мер уголовно-правового и иного правового воздействия.

Подводя итог исследованию вопроса о содержании и формах выражения противоправности преступления в отечественном уголовном праве, можно констатировать, что она представляет собой сложный и многоаспектный юридический феномен, пронизывающий и определяющий содержание практически всех составных компонентов отрасли уголовного права. Противоправность преступления может быть представлена в виде такой его характеристики, которая охватывает направленность посягательства на установленный в стране правопорядок, предусмотренность (запрещенность) преступления исключительно в уголовном законе, юридические признаки некоторых преступлений, включающих в свой состав деяние в виде состава нарушения правовых предписаний иной отраслевой принадлежности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российское уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. А.В. Наумова. — М. : Спарк, 1997. — 454 с.
2. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая : в 2 т. / Н.С. Таганцев. — М. : Наука, 1994. — Т. 1. — 380 с.
3. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право / А.Э. Жалинский. — М. : Велби : Проспект, 2004. — 560 с.
4. Kühl K. Die Bedeutung der Rechtsphilosophie für das Strafrecht / K. Kühl. — Baden-Baden : Nomos, 2001. — 56 S.
5. Krey V. Deutsche Strafrecht. Allgemeiner Teil / V. Krey. — Stuttgart : Verlag W. Kohlhammer, 2012. — Bd. 1. — 181 S.
6. Bohlander M. Principles of German Criminal Law / M. Bohlander. — Oxford and Portland, Oregon, 2009. — 244 p.

7. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность // Избранные труды / Н.Ф. Кузнецова. — СПб. : Юрид. Центр Пресс, 2003. — С. 400–632.
8. Гонтарь И.Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве (логико-методологические аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И.Я. Гонтарь. — Владивосток, 1997. — 26 с.
9. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрист, 2004. — 304 с.
10. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления // Избранные труды / А.Н. Трайнин. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. — С. 15–234.
11. Пионтковский А.А. Преступление // Курс советского уголовного права : в 6 т. / А.А. Пионтковский. — М. : Наука, 1970. — Т. 2 : Часть Общая. — 516 с.
12. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2008. — 560 с.
13. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная часть : учебник / под ред. В.К. Дуюнова. — 4-е изд. — М. : РИОР : Инфра-М, 2015. — 695 с.
14. Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству / И.С. Самощенко. — М. : Юрид. лит., 1963. — 286 с.
15. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова / А.Ф. Бернер. — СПб. : Тип. Н. Тиблена, 1865. — 940 с.
16. Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение / Я.М. Брайнин. — М. : Юрид. лит., 1967. — 240 с.
17. Уголовное право : учебник : в 3 т. / под ред. А.Э. Жалинского. — М. : Городец, 2011. — Т. 1 : Общая часть. — 864 с.
18. Безверхов А.Г. О действии уголовного закона в условиях межотраслевых связей / А.Г. Безверхов // Lex Russica. — 2015. — № 10. — С. 76–92.
19. Винокуров В.Н. Объект преступления: правотворческие и правоприменительные аспекты / В.Н. Винокуров. — М. : Юрлитинформ, 2015. — 368 с.
20. Вершинина С.И. О содержании признака противоправности деяния / С.И. Вершинина // Вектор науки ТГУ. — 2012. — № 1 (19). — С. 116–118.
21. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / под ред. В.С. Комиссарова, Хе Бинсуна. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2009. — 549 с.
22. Уголовное право. Общая часть / под ред. В.Д. Меньшагина. — 4-е изд., перераб. — М. : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948. — 575 с.
23. Law and disorder. Criminal justice in America / ed. by Bruce Jackson. — Univ. of Illinois Press, 1984. — 265 p.
24. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Центр ЮриИнФОР, 2005. — 457 с.
25. Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления / Г.В. Тимейко. — Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1977. — 216 с.
26. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления / В.Н. Кудрявцев. — М. : Госюриздат, 1960. — 244 с.
27. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова. — М. : Городец, 2007. — 336 с.
28. Уголовное право России. Общая часть : учебник. — 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В.П. Ревина. — М. : Юстицинформ, 2010. — 496 с.
29. Пековић Н. Начело законитости и Хашки трибунал / Н. Пековић // Међународна кривична дела. XII Тематски међународни научни скуп, Тара, од 05 до 09 јуна 2013 године. — Београд, 2013. — С. 327–330.
30. Маркунцов С.А. Теория уголовно-правового запрета : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / С.А. Маркунцов. — М., 2015. — 550 с.
31. Moore M.S. Placing Blame: A Theory of Criminal Law / M.S. Moore. — Oxford Univ. Press, 1997. — 872 p.
32. Пикуров Н.И. Применение следователем уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией : лекция / Н.И. Пикуров. — Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1985. — 35 с.
33. Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава / Н.И. Пикуров. — М. : Рос. акад. правосудия, 2009. — 288 с.
34. Мухортова М.В. Преступления, связанные с нарушением специальных правил: природа и особенности элементов состава : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.В. Мухортова. — М., 2016. — 260 с.
35. Тер-Акопов А.А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения / А.А. Тер-Акопов. — М. : Юрид. лит., 1995. — 176 с.

REFERENCES

1. Naumov A.V. (ed.). *Rossiiskoe ugovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Russian Criminal Law. General Part]. Moscow, Spark Publ., 1997. 454 p.
2. Tagantsev N.S. *Russkoe ugovnoe pravo. Leksii. Chast' Obshchaya* [Russian Criminal Law. Lectures. General Part]. Moscow, Nauka Publ., 1994. Vol. 1. 380 p.
3. Zhalinskii A.E. *Sovremennoe nemetskoe ugovnoe pravo* [Contemporary German Criminal Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2004. 560 p.
4. Kühl K. *Die Bedeutung der Rechtsphilosophie für das Strafrecht*. Baden-Baden, Nomos, 2001. 56 S.
5. Krey V. *Deutsche Strafrecht. Allgemeiner Teil*. Stuttgart, Verlag W. Kohlhammer, 2012. Bd. 1. 181 S.
6. Bohlander M. *Principles of German Criminal Law*. Oxford and Portland, Oregon, 2009. 244 p.

7. Kuznetsova N.F. Crime and Criminality. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Saint Petersburg, Juridichesky centr Press Publ., 2003, pp. 400–632. (In Russian).
8. Gontar I.Ya. *Prestuplenie i sostav prestupleniya kak yavleniya i ponyatiya v ugovolnom prave (logiko-metodologicheskie aspekty)*. Avtoref. Kand. Diss. [Crime and corpus delicti as phenomena and concepts in criminal law (logical and methodological aspects)]. Cand. Diss. Thesis]. Vladivostok, 1997. 26 p.
9. Kudryavtsev V.N. *Obshchaya teoriya kvalifikatsii prestuplenii* [General Theory of Defining Crimes]. 2nd ed. Moscow, Yurist Publ., 2004. 304 p.
10. Trainin A.N. The General Theory of Corpus Delicti. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Saint Petersburg, Juridichesky Tsentr Press Publ., 2004, pp. 15–234. (In Russian).
11. Piontkovsky A.A. Crime. *Kurs sovetskogo ugovolnogo prava* [A Course of Soviet Criminal Law]. Moscow, Nauka Publ., 1970. Vol. 2. 516 p.
12. Inogamova-Khegai L.V., Rarog A.I., Chuchaev A.I. (eds). *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast'* [The Criminal Law of the Russian Federation. General Part]. 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 560 p.
13. Duyunov V.K. (ed.). *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya i Osobennaya chast'* [The Criminal Law of the Russian Federation. The General and Special Parts]. 4th ed. Moscow, Infra-M Publ., 2015. 695 p.
14. Samoshchenko I.S. *Ponyatie pravonarusheniya po sovetskomu zakonodatel'stvu* [The Concept of Offense in Soviet Legislation]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1963. 286 p.
15. Berner A.F. *Uchebnik ugovolnogo prava. Chasti Obshchaya i Osobennaya. S primechaniyami, prilozheniyami i dopolneniyami po istorii russkogo prava i zakonodatel'stvu polozhitel'nomu N. Neklyudova* [A Textbook in Criminal Law. The General and Special Parts. With Comments, Appendices and Additions in the History of Russian Law and Legislation by N. Neklyudov]. Saint Petersburg, N. Tiblen Publ., 1865. 940 p.
16. Brainin Ya.M. *Ugolovnyi zakon i ego primenenie* [Criminal Law and its Enforcement]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1967. 240 p.
17. Zhalinskii A.E. (ed.). *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law]. Moscow, Gorodets Publ., 2011. Vol. 1. 864 p.
18. Bezverkhov A.G. On the action of criminal law in the conditions of inter-branch connections. *Lex Russica*, 2015, no. 10, pp. 76–92. (In Russian).
19. Vinokurov V.N. *Ob'ekt prestupleniya: pravotvorcheskie i pravoprimenitel'nye aspekty* [The Object of Crime: Law-Making and Law Enforcement Aspects]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 368 p.
20. Vershinina S.I. On the content of the attribute of unlawfulness of actions. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta = Science Vector of Togliatti State University*, 2012, no. 1 (19), pp. 116–118. (In Russian).
21. Komissarov V.S., Khe Binsun (eds). *Uchenie o sostave prestupleniya v ugovolnom prave Rossii i Kitaya: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [The teaching of corpus delicti in the criminal law of Russia and China: a comparative legal study]. Saint Petersburg, Juridichesky Centr Press Publ., 2009. 549 p.
22. Menshagin V.D. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal Law. General Part]. 4th ed. Moscow, 1948. 575 p.
23. Jackson B. *Law and disorder. Criminal justice in America*. University of Illinois Press, 1984. 265 p.
24. Gaukhman L.D. *Kvalifikatsiya prestuplenii: zakon, teoriya, praktika* [The Definition of Crimes: Law, Theory, Practice]. 3rd ed. Moscow, Tsentr YurInfoR Publ., 2005. 457 p.
25. Timeiko G.V. *Obshchee uchenie ob ob'ektivnoi storone prestupleniya* [General Theory of the Objective Side of Crime]. Rostov-on-Don State University Publ., 1977. 216 p.
26. Kudryavtsev V.N. *Ob'ektivnaya storona prestupleniya* [The Objective Side of Crime]. Moscow, Gosyurizdat, 1960. 244 p.
27. Kuznetsova N.F. *Problemy kvalifikatsii prestuplenii. Lektsii po spetskursu «Osnovy kvalifikatsii prestuplenii»* [The Problems of Defining Crimes. Lectures in the Special Course «Basics of Defining Crimes»]. Moscow, Gorodets Publ., 2007. 336 p.
28. Revin V.P. (ed.). *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Russian Criminal Law of. General Part]. 2nd ed. Moscow, Yustitsinform Publ., 2010. 496 p.
29. Pekoviñ N. Nachelo zakonitosti i Khashki tribunal. *Meñunarodna krivichna dela. XII Tematski meñunarodni nauchni skup, Tara, od 05 do 09 juna 2013 godine*. Belgrad, 2013, pp. 327–330. (In Serbian).
30. Markuntsov S.A. *Teoriya ugovolno-pravovogo zapreta. Dokt. Diss.* [The Theory of Criminal Law Prohibition. Doct. Diss.]. Moscow, 2015. 550 p.
31. Moore M.S. *Placing Blame: A Theory of Criminal Law*. Oxford University Press, 1997. 872 p.
32. Pikurov N.I. *Primenenie sledovatelem ugovolno-pravovykh norm s blanketnoi dispozitsiei* [The Use of Criminal Law Norms with a Blanket Disposition by an Investigator]. Volgograd, Highest School of Investigation, the USSR Ministry of Internal Affairs Publ., 1985. 35 p.
33. Pikurov N.I. *Kvalifikatsiya prestuplenii s blanketnymi priznakami sostava* [Defining Crimes with the Blanket Attributes of Corpus Delicti]. Moscow, Russian Academy of Justice Publ., 2009. 288 p.
34. Mukhortova M.V. *Prestupleniya, svyazannye s narusheniem spetsial'nykh pravil: priroda i osobennosti elementov sostava. Kand. Diss.* [Crimes connected with the violation of special rules: nature and specifics of the constituent elements of crime. Cand. Diss.]. Moscow, 2016. 260 p.
35. Ter-Akopov A.A. *Otvetstvennost' za narushenie spetsial'nykh pravil povedeniya* [Liability for Violating Special Rules of Behavior]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1995. 176 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пудовочкин Юрий Евгеньевич — заведующий отделом уголовно-правовых исследований Российского госу-

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pudovochkin, Yury Ye. — Head, Criminal Law Research Division, Russian State University of Justice, Doctor of

дарственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: 11081975@list.ru.

Law, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: 11081975@list.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пудовочкин Ю.Е. Противоправность как признак преступления: опыт анализа, проблемы, перспективы / Ю.Е. Пудовочкин // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 1. — С. 70–81. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).70-81.

FOR CITATION

Pudovochkin Yu.Ye. Unlawfulness as an attribute of crime: analysis, problems, prospects. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 1, pp. 70–81. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).70-81. (In Russian).